

Театръ и музыка.

Концертъ М. А. Олениной-д'Альгеймъ.

«Домъ пѣсни» («Maison du lied»), — такъ называется новое музыкальное учрежденіе, основанное въ Москвѣ М. А. Олениной-д'Альгеймъ. Каковы задачи «Дома пѣсни», въ чемъ должна проявляться его дѣятельность, кто его представители? Всѣ эти вопросы вызываютъ въ публикѣ понятный интересъ, тѣмъ болѣе, что «Домъ пѣсни» началъ уже функционировать. Отвѣтить на нихъ трудно за неимѣніемъ разъясненій съ компетентной стороны. Приходится довольствоваться догадками на основаніи объявленнаго перечня ближайшихъ предпріятій «Дома пѣсни». Такой перечень помѣщенъ въ брошюркѣ-программѣ, раздававшейся слушателямъ на концертѣ г-жи Олениной-д'Альгеймъ 27-го октября. На концертѣ этомъ исполнялись шубертовскія пѣсни цикла «Die Schöne Müllerin» въ переводѣ, получившемъ премію на конкурсѣ, устроенномъ «Домомъ пѣсни». Вотъ, стало-быть, одна функція «Дома пѣсни», которымъ объявлены теперь еще два подобныхъ же конкурса: на переводъ «гётевскихъ» романсовъ разныхъ композиторовъ и на фортепианный аккомпаниментъ къ шотландскимъ народнымъ пѣснямъ (пѣсни Бёрнса). Всѣ эти переводы и сочиненія «Домъ пѣсни» предполагаетъ издать. Имъ намѣчено также нѣсколько другихъ изданій, изъ коихъ книжка М. Олениной-д'Альгеймъ «Les legs de Moussorgski» уже вышла въ свѣтъ. Наконецъ, предполагенъ рядъ концертовъ, лекцій и бесѣдъ «Дома пѣсни» (съ музыкальной частью и безъ музыки), частью уже объявленныхъ. Ни о какой педагогической дѣятельности «Дома пѣсни» пока не опубликовано.

Въ концертѣ 27-го октября публика должна была познакомиться между прочимъ и съ премированными переводами шубертовскихъ пѣсней. Должна была, но врядъ ли могла, — по крайней мѣрѣ вся. Большая зала консерваторіи и пѣсни Шуберта — двѣ вещи несовмѣстныя. Одно изъ двухъ: или 2,000 человекъ, — и тогда надо форсировать исполненіе, чтобы оно до нихъ доходило; или камерно-тонкое, интимное исполненіе, — но тогда небольшое помѣщеніе, не требующее отъ пѣвца форсировки. Исполненіемъ г-жа Оленина, конечно, не поступилась; оно было такъ же художественно-тонко отшлифовано какъ всегда. Ergo — воспринять его въ полной мѣрѣ могла лишь часть публики. И если не всѣ ноты артистки долетали до всѣхъ слушателей, то что ужъ говорить о текстѣ. Новый переводъ не былъ также напечатанъ въ программѣ. Образцовымъ его назвать нельзя, хотя нѣкоторыя пѣсы вышли очень удачными. Во всякомъ случаѣ по своимъ достоинствамъ (не специально литературнымъ и не специально музыкальнымъ, а именно какъ музыкальный переводъ) онъ стоитъ выше обычнаго уровня нашихъ переводовъ. И это тѣмъ любопытнѣе, что въ числѣ восьми лицъ, между которыми раздѣлилась премія, нѣтъ ни одного изъ сколько-нибудь видныхъ нашихъ поэтовъ.

Пѣла г-жа д'Альгеймъ какъ всегда, — чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ все проникновеннѣе. Последнія пѣсни цикла: „Любимый цвѣтъ“ („Зеленый цвѣтъ!“), „Задохшіе цвѣты“, „Мельникъ и ручей“, „Колыбельная“, — особенно первая, — прямо захватывали. Были кое-гдѣ и заминки съ новымъ текстомъ. По горячимъ требованіямъ публики артистка спѣла нѣсколько пѣсень сверхъ программы („Еврейская пѣсня“ Мусоргскаго, „Азра“, и др.). Аккомпанировалъ А. А. Оленинъ, братъ пѣвицы, авторъ интересныхъ обработокъ „русскихъ пѣсней“. Какъ аккомпаниаторъ, г. Оленинъ не всегда на высотѣ задачи, особенно въ пѣсахъ живыхъ, бодрыхъ; отъ его аккомпанимента хотѣлось бы больше личной жизни да и просто красиваго фортепианнаго звука.

Кромѣ пѣсней Шуберта г-жа Оленина д'Альгеймъ спѣла еще нѣсколько русскихъ народныхъ пѣсней съ хоромъ. Хоръ изъ мальчиковъ, синодальныхъ пѣвчихъ, спрятанъ былъ за массой зелени, со всѣхъ сторонъ обрамлявшей эстраду („Зеленый цвѣтъ, зеленый цвѣтъ!“). Эта остроумная выдумка должна была дать иллюзію женскаго деревенскаго хора. Но иллюзія получалась слабая. Дѣтскіе голоса звучатъ все-таки по-иному, чѣмъ дѣвичьи. Главное же — не было того сліянія въ нераздѣльно-единый, живой художественный ансамбль, какое даетъ хорошій народный хоръ, — хотя бы и съ запѣвалами. Получалось именно концертное пѣніе солистки „съ аккомпаниментомъ“ хора, тамъ и сямъ даже не безукоризненно вступавшаго. Когда Оленина-д'Альгеймъ поетъ народныя пѣсни одна, — выходитъ лучше. Сами по себѣ исполненныя на этотъ разъ пѣсни красивы и для хора положены совсѣмъ на народный ладъ, точно занесены на бумагу съ фонографической записи народнаго пѣнія. Только въ послѣдней („Во лузяхъ“) чувствуется значительная позднѣйшая подчистка.